

Псевдонимы появляются на книжном рынке сегодня нечасто, а ведь это старая, почтенная традиция. Вспомним хотя бы Ромена Гари — Эмиля Ажара, получившего две Гонкуровские премии, на себя и на псевдоним (при том что больше чем по разу в одни руки Гонкуров не дают). Из наших в последние годы такие эксперименты проводил, кажется, только Дмитрий Быков, да и то без особого успеха. Поэтому стоит о явно «псевдонимных» книгах, вышедших одна за другой, сказать несколько слов.

Про братьев Суматранских не знаю ничего. А вдруг Суматранские — это кто-то из наших грандов? Вот был бы номер! Но увы, в наше время имя — это бренд, и зачастую известным авторам только на него и остается надеяться. Не на качество же своих книг...

Кстати, всем аквариумистам известен суматранский барбус, вид лучеперых рыб семейства карповых. Так что псевдоним с названием составляет единое целое! Вдобавок ко всему, Барбус — это и имя главного героя. Согласитесь, закручено ловко, играть так играть.

Поэтому неудивительно, что эта книга — про игру.

Ну то есть начинается все как книга о молодежи. Заглавный герой, 20 лет, студент-журналист, образцовый романтик, томится от любви, общего душевного неустройства, безденежья. Его девушка связывается с парнем старше. Вообще, все как-то нехорошо, даже непонятно почему... Юношеский лиризм авторам явно удался. Вспоминается, например, молодой Андрей Битов, ну и вечный эталон — автор «Над пропастью во ржи».

Конечно, писать в лирическом стиле — не слишком сложно. Такой не слишком радикальный поток сознания с вкраплением охов и вздохов. Вот пример. «Он стоит на остановке, автобус подходит очень быстро. У Барбуса всегда с собой единый проездной на все виды транспорта. В автобусе трясет, но сегодня его почему-то не укачивает. Может быть, он уже мореплаватель? Нужно найти собаку. Хотя зачем? Но Барбус вдруг понимает, что многое зависит от того, найдет он ее или нет, хотя собака не его и, скорее всего, ничья. И вообще ни при чем. Барбус хорошо помнит, что она была белая, значит, ее могла съесть черная собака, как он сразу об этом не подумал! Это же классический контргамбит Фалькбеера: черная собака неожиданно съедает белую. Или, наоборот, классический вариант — это когда она ее не трогает? Кто он вообще такой — Фалькбеер? И почему у Барбуса застряла в голове его фамилия?» Кстати, знатоки шахмат указывают на неточность в описании этого самого контргамбита; ну, на узких специалистов вечно не угодишь.

Тема шахмат, взятая с самых первых страниц, неслучайна. Герой уже играет (и не только в шахматы, в воображении у него разыгрываются целые сюжеты). И главное, очевидно, для авторов начинается ближе к середине книги — герой оказывается втянут в Игру. Кроме него — его девушка со своим парнем и еще какая-то молодежь. Это такой квест в старинном духе. Таинственный организатор-демиург, роскошный загородный дом, переодевания, стихи, старинные рукописи и т.п. Таинственный Санкт-Петербург. Само собой, процесс инициации юного романтика. А также аллюзии, реминисценции, скрытые цитаты и все такое прочее. Этаким Фаулз, прости господи. Как-то в наше время все это выглядит архаично, и просто непонятно, зачем

оно тут. Хотя конечно, придумывать и описывать всякого рода современные ритуалы — для авторов одно удовольствие. Настоящее рыбное место для любителей вытащить из глубин и преподнести нам, читателям, чего-нибудь этакое. Но захотим ли мы улов попробовать? Ох, не факт.

Кто бы ни написал книгу, это мог сделать либо начинающий автор, еще находящийся в процессе переваривания-усвоения мировой литературы. Либо опытный писатель, решивший создать вот такую конструкцию-стилизацию. Вначале надеешься на первое, потом начинаешь думать о втором варианте. Это, увы, разочаровывает. Ну конечно, игра, игра с самого заглавия и до последней строчки — но уж сколько мы этих homo ludensов наблюдали в прежние годы! Еще одни не вдохновляют.

А все-таки хочется помечтать. Вдруг книжку написал какой-нибудь известный автор, но в соавторстве со своим юным сыном или дочерью? Женой, двоюродной бабушкой? Или, например, олигарх? Или министр? В этом смысле использование псевдонима, вообще тотальная игровая атмосфера очень идет на пользу роману. Ведь игра, пользуясь банальными рифмами, не только стара. Игра мудра.

Вот еще один очевидный псевдоним — Айдас Сабалаяускас. Этого знаю. В миру он бизнесмен, экономист, видимо, не желающий «светиться» со своим творчеством. Вот Улюкаев свои стихи самим собой подписывать не стеснялся, и где он нынче? У Сабалаяускаса такая фишка: он пишет романы-фельетоны из древнеримской жизни с актуальным политико-социальным контекстом. Целая серия! Есть на ЛитРес, где я рецензируемый и взял.

«Три дня из жизни Филиппа Араба» — это и вправду трехтомник (хоть и не толстый), но что важнее — и вправду роман. Потому как иные предыдущие древнеримские экзерсисы автора все же были прежде всего фельетонами-памфлетами. Здесь все-таки есть история — в смысле сюжета. Но вроде и истории — как науке — этот сюжет не сильно противоречит. Фигура римского императора второго века нашей эры вполне реальна. Интересная, между прочим, была у этого позднего древнего римлянина судьба, начиная с того, что он и вправду был родом из Азии. Арабом звался не зря! Автор называет его «горячим южным мужчиной».

Вообще, написана книга эклектично — если не сказать развязно. Современные жаргонные слова и выражения, заведомо архаизмы и просторечные шуточки, сомнительные стилистические обороты — всего этого в книге полным-полно. Эклектики добавляют и мало относящиеся к делу эпиграфы перед каждой главой из древних японских (!) поэтов. Обращая внимание на этот факт, автор довольно смело утверждает, что, «во-первых», это красиво. То есть, с самооценкой у него все прекрасно.

С другой стороны, вспоминается Мережковский, персонажи которого изъяснялись как современные ему мещане. Ну а у Сабалюскаса — как мещане современные, то есть люди среднего в широком смысле уровня. Вот как менеджеры среднего звена в не очень дешевом пивбаре. Мережковского за это дело ругали, но за сто лет как-то к таким вольностям попривыкли. Тот же Пиккуль вспоминается, по манере повествования близкий Сабалюскасу (но, конечно, не сравнимый с ним по исторической эрудиции).

С исторической беллетристикой у нас сегодня дела обстоят как-то непонятно. Мода такая: писать типа как серьезные романы, но в легкомысленном, потому что откровенно выдуманном, «сыгранном» историческом антураже. Таковы вещи и А. Иванова, и Л. Юзефовича. Здесь мы видим другую крайность — автор использует условно-римский антураж не для серьезных литературных целей, а так — порассуждать об актуалочке.

Вот цитата — тут и стиль, и актуальность: «По весьма достоверным слухам (народ почем зря врать не станет), статуя Богини Победы когда-то в далекой древности была изваяна руками греков, а следовательно, изначально звалась Никой. Коротко, просто и для всех эллинов ясно. Но, будучи в качестве трофея привезенной Октавианом Августом в Рим из Тарента, получила законное ромейское имя Виктории. Так сказать, нашла себя и свое истинное призвание в жизни. Это вовсе не означало, что историю кто-то невзначай или нарочито подправил, переписал или сфальсифицировал — просто у каждого времени и государства были, есть и будут свои собственные не только герои или... безбожники, но и Боги. Патриотизм как противовес либерализму рулил и был на марше во все времена, хотя и не при всех нравах».

Читая Сабальяускаса, в очередной раз думаешь, что все зависит от точки зрения на литературную норму. Вот издай он этот роман про Араба в серьезном издательстве — так и за метамодернизм сошло бы, тем более что никто не знает, что это такое. А так — забава. Причем в разделе «Юмористическая проза». Но познавательная, кстати, и неглупая.

Так что, игра в автора удалась? Ну, по крайней мере, в том смысле, что читатели будут обращать внимание на сам текст, а не на ярлычок-бренд, писательское имя и репутацию или статус (например, начинающего автора). Не для того ли и книги пишут!